

ДУХОВНЫЙ МИР
СОВРЕМЕННОГО

ВЫСОКАЯ ЧАСТОТА

Мне посчастливилось видеть и слышать некоторых выдающихся деятелей искусства не только из зала, но и, что называется, до и после вальшики начала творчества на сцене. В. Кайберн, С. Лемешев, Б. Гмыря, С. Шапошников, В. Пикайзен — в их лица я всматривался еще до концерта, за кулисами, пытаюсь ответить на важнейший для меня вопрос: в чем таится магия большого таланта?

...Сергей Николаевич Шапошников, стоя у рояля, пробует голос. Поет меццо-воце, «поверх горла», не теряя собранного, сочного звука. Намечает одну фразу, другую, трогает клавиши рояля. Все давно выверено, продумано, но... Замолкает. Думает. Собран до предела. Высок, строен. Фигура без намека на какую-либо сутулость: плечи широко разведены, грудь, как у борца. Ворота крошечной сорочки расстегнут на одну пуговицу, фрак еще висит в кофре. Осталось несколько минут до выхода на сцену.

Народного артиста СССР С. Н. Шапошников я знаю не первый год. Часто бывал на его сольных концертах, не раз слышал выступления с симфоническим оркестром, знаю все оперные спектакли, в которых Шапошников поет главные партии, и чуть ли не ежедневно встречался с ним в консерваторском классе, где он раскрывал перед нами, студентами, тайны профессионального пения. Поэтому (так кажется, по крайней мере) мне в этом случае легче угадать предконцертное состояние моего учителя.

А-то знаю, какая тщательная ежедневная подготовка музыкального материала предшествовала этим минутам, как Шапошников следил за собой и добивался безукоризненной вокальной формы. Но эти слова лишь внешне обрисовывают громадный контур того вулкана, что сейчас затаился в певце. Добавить к этому надо еще волю, отточенную мысль, глубочайшую эмоциональность, сиюминутный, как бы симпровизированный порыв и одновременно видение произведения в целом, а в том целом — тончайшие нюансы, помноженные на несравненный бархатный тембр голоса! Вот с чем подошел артист к моменту встречи со

слушателями. Вот что сейчас слышимо, зримо будет отдано людям. Все духовное богатство певца найдет свое тонкое, точное выражение в слове и звуке, падает неисчерпаемым сокровищем в переполненный, ждущий его, Шапошников, зал.

...Мы ехали из Хабаровска в Комсомольск в одном купе с народным артистом РСФСР, лауреатом многих отечественных и зарубежных конкурсов Виктором Пикайзеном. Разговорились, вспомнили, как это бывает, общих друзей...

Перед концертом за кулисами Пикайзен стал что-то негромко рассказывать мне, мягко трогая чуткими пальцами струны скрипки. Говорю «что-то» не потому, что я был тогда невнимателен. Напротив, я внимал ему, но ждал от него по своей давней привычке возникновения того же: зыбкого состояния — перехода от быта, от суетных кулик, от баек, от неизбежного нерва — к творческой эйфории и мгновенному всплеску большого таланта... Но звучит последний звонок. Желая удачи скрипачу и быстро спускаюсь в зал. Пикайзен тут же выходит на сцену.

Быстрым, даже чуть резковатым движением он бросил смычок на струны. Лицо его, осанка чуть полноватой фигуры были разительно не те, только что виданные! От его волевого чеканного облика (может быть, образа) нельзя было отвести глаз. Скрипка сразу же, сменяя наши преднастроения, приготовлений, взяла нас на такой звуковой и эмоциональный абордаж, что сердце захолонуло. Пикайзен без разгона, без «распевки» играл виртуознейшую, архисложнейшую пьесу Паганини. И так играл, что техника, как говорится, видно не было!

Уже после, в гостинице, я спросил Пикайзена:

— Как же так можно было — начать концерт сразу со сложного?

Пикайзен с присущей ему в обыденной жизни манерой скромнейшего человека пожал плечами:

— Ну, можно... Главнейший же акцент был поставлен фразой, про-

изнесенной тут же его концертмейстером:

— Но Витенька перед концертом занимался семь часов!

Когда я в юности слышал и видел близко прославленных мастеров, мне, признаюсь, становилось не по себе. Выдающиеся современники рождали во мне сложные, часто противоречивые чувства.

В то время я уже гордился стать профессиональным артистом, но, с одной стороны, невольно, словно отчуждаясь от гипноза и влияния талантов, как бы отталкивая их и желая мыслить самостоятельно, жадничал воско: учился, работал, много читал, стремился смотреть и видеть сам, упрямно искал свою тропу, которая привела бы меня на сцену. Я еще не знал, что получится, но хотел очень, чтобы получилось что-то.

А с другой стороны, большие мастера являли собой для нас, безусловно, и цель и свет. Цель — добиться самому того же. (Ну хоть части того же!) Свет — он шел от них, как от маяка, помогая выбрать нам дорогу. Это не гипербола, это правда. Они многое умели, многое могли. А учиться у них суждено еще не одному поколению.

Я непрестанно думал об этом. И, естественно, параллельно возникали мысли о себе. Шли они ниже «эшелона» мастеров, и сравнения, даже косвенные, были убийственными для меня. Но «какой же солдат»...

Главное заключалось в том, что размышления пробились в одном направлении: человек и творец — совершенное двуединство. Возможно ли достичь этой вершины?

Каждый вспоминает страницы своего детства, определяющие характер и судьбу. Вспоминаю и я.

Вместе с мамой еще маленьким слушал оперу «Евгений Онегин» по радио. Наушники были одни, и мы поделили две мембраны. Звучало тогда не ах, но мама мне заранее пояснила, что будет: вот Онегин приезжает к Лариным вместе со своим другом Ленским,

сейчас будет бал, я слушаю! Слушай эту сцену, которая окончится тем, что... и т. д. Это было захватывающе! Открывалось в душе такое, чему я, мальчишка, не мог дать определения. Хорошо-то как! — и все. Я, помнится, оставил на время книги, которые начал всласть читать еще до школы. Норцов, Держинская, Михайлов, чудо-Лемешев — их имена я запомнил на всю жизнь. И уж тогда, конечно, никак не мог и подумать, что сам в будущем стану петь «Онегина», подойдя к опере с трепетом, как к святыне, и чувство это проистечет из детства.

Часто звучали по радио романсы Чайковского, их также мы слушали с мамой. Хор Пятницкого — тут уж я знал песни наизусть (самое загадочное было «чего он моргает, на что намеряет»), потом тонко басил за Пирогова: «Из-за острова на стрежень» (стержень — было понятно, а стрежень — нет).

Может, я начал бы и по своей воле вслушиваться во все эти сформированные композиторами и поэтами звуки, но мама! Она была инициатором. Она рассказывала, увлеклась, открывала для меня все новое, советовала, вела, будто в сказку: а вот сейчас... и вдруг... слышишь?

Слышал ли я тогда то, что слышала она?.. Нет, конечно. Но — слушал. Почва воздевалась заботливыми руками обыкновенной любительницы музыки. Зерна падали, произрастали и порождали свои зерна...

Черные тяжкие военные годы... Куда уж истощенному мальчишке думать об искусстве, когда пригоршня сухой морской капусты или блюде турнепса были порой недостижаемы. В то время мы питались больше пищей духовной, нежели пищей из духовки. Книжки, газеты, радио — вот, пожалуй, и все дополнительные источники знаний, доступные тогда подросткам нашего города. Были еще драмтеатр и филармония — мечта во плоти. Но как туда пойдешь, когда одежда — рвань?

А все равно хотелось жить! Думалось, грешилось. Да еще как! Какие планы возникали, какая пробуждалась воля! Сердце билось горячо, все сильнее подгоняя куда-то.

Испытал я силы в драмкружке, в хоре, начал писать приключенческий роман... Потом поехал в Ленинград учиться. Там был солистом хора Ленинградского университета. Затем поступил в консерваторию. И вот тут...

Малый виток жизненной спирали — детство, пробуждение, желание, тягости, мужание, стремление — тут виток сделал поворот и приблизился к изначальному.

— Надо петь Онегина, — сказал профессор. — Пора! Ария, затем ариозо. Сцены — дуэль и заключительная. Одновременно будем готовить некоторые из романсов Чайковского. Голос у вас гибкий, легкий — то, что нужно для такой программы.

Каждый, кто однажды вдруг получал когда-то из рук любимого наставника реальный ключ от своей давней заветной мечты, каждый, я думаю, поймет, что в то время я испытал.

Сомнение — реакция первая. Хоть и знал, что в конце концов это произойдет, готовился внутренне к неповторимому, но все же!.. Какой путь надо еще пройти к Чайковскому! Вслушиваться, сопоставлять, искать, читать, бросать все, утомляться вновь, радоваться искрам удач — да сколько всего еще потребует, чтобы запеть Чайковского и Пушкина так, как подобает их петь: только отлично. Иного выбора нет.

Но сомнения — что пар. Они тают, если у тебя есть твердая почва под ногами: знания, данные, работоспособность — твой верный, приобретенный тобою же багаж, который реактивно быстро поднимает тебя до чудесной уверенности: ты нужен, ты можешь!

Душа и мозг — это «банк» парадоксальнейший: что положишь (точнее, заложить) туда, то твое навеки. Твое! И — общее. К каждому из нас рано или

поздно приходит то время, когда эти запасы начинают тебя же теснить, не желая быть мертвым грузом, и активная сила тогда просыпается в нас. А духовная мощь — издавна известно — превращает человека в мастера, в мудреца, в лидера в любой сфере жизни! Все «твое» отдается людям, которые ждут тебя и жаждут твоего слова и ответа.

Шапошников: умный тончайший выразитель воли авторов и своей. Пикайзен: редкий виртуоз и воплощение громадной работоспособности. Какие разные личности! При желании можно уловить высокие частоты самой вальшики мига творчества этих и других выдающихся мастеров. Но для полного выявления сути талантливости человека этого недостаточно.

Мгновенный всплеск божества, гения в искусстве — да! — высочайшее состояние интеллекта. Жизненная подготовка, образование и самовоспитание этого же человека — тоже да! Вкупе они и дают желанное двуединство: человек — творец.

В финале монолога напрашивается мысль: не коснётся ли нам темная антипода — безынициативности и духовной лени, темны, которая так волнует нас всех! Действительно: думай, думай, а если неохота? Лучше так как-нибудь поменьше идти, шажками, люди бы бесталаннее, чего уж там, горшки эти пускай другие обжигают, — что, разве редко мы слышим эти банальности, тусклые примеры вломослия и плескодумия? Сомнений нет. Все это симптомы серьезного заболевания души.

Но мы не будем скоротечны в раздате своих эмоциональных в данном случае оценок. Всею свое время. А чтобы закончить нашу мысль, скажем коротко так: жить будем горячо, думать основательно, работать — от всей души! Нас ждут.

Валерий ИВАНОВ, заслуженный артист РСФСР, солист Хабаровской филармонии.